

Гений Карпов

Геологические были

записки геолога

Гений Карпов

Геологические были.
Записки геолога

«Издательские решения»

Карпов Г. П.

Геологические были. Записки геолога / Г. П. Карпов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839080-7

Автобиографичные рассказы на тему послевоенного периода развития геологии Красноярского края и о работе автора в бассейне реки Подкаменная Тунгуска.

ISBN 978-5-44-839080-7

© Карпов Г. П.
© Издательские решения

Содержание

Цена освоения Сибири	6
От случайности к необходимости	8
Начало освоения Саян	10
Основательная подготовка	11
Базыбайская партия	12
Караван обедает	13
Укомплектовка	14
Ужас	16
Чаепитие	18
Переправа	20
Лошадь	21
На базе	22
Фёдор	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Геологические были Записки геолога

Гений Павлович Карпов

© Гений Павлович Карпов, 2017

ISBN 978-5-4483-9080-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цена освоения Сибири

В 1942-м году Новосибирский проектный институт отправил отряд изыскателей по долине Казыра. Отряд вышел из посёлка Верхняя Гутара Иркутской области в верховья реки Казыр, чтобы, спускаясь вниз по горной реке, осуществить изыскания трассы для строительства новой железнодорожной ветки Абакан – Тайшет. В отряде были инженер-строитель А. Кошурников и молодые техники-геологи К. Стофато и А. Журавлёв. Но в контрольный срок – седьмого ноября – экспедиция в Новосибирске не появилась. Тогда немедленно были организованы её поиски. Эту историю гибели и дальнейших поисков экспедиции описывали многие известные писатели, причём каждый на свой лад. Главное, чтобы была интрига. В. Чивилихин сочинил целый рассказ, как будто бы сам плыл на том плоту. Он утверждает, что протока у острова Кедрового находится у правого берега. По его версии, тело самого Кошурникова, частично замытое песком, нашли в 1943-м году на правом берегу Казыра (Книга «Серебряные рельсы»).

И. Чуковский пишет, что экспедиция погибла у левого берега Казыра, а Кошурникова якобы нашли на берегу так же в 1943-м году (Книга «Серебряный герб»).

Другие пишут, что останки всех троих нашли через полтора года на высокой речной террасе в траве. Кто-то даже утверждал, что на месте гибели экспедиции спустя полвека (!) нашли в воде страницы из дневника Кошурникова. На самом деле всё произошло иначе.

Подлинную историю гибели экспедиции я услышал в посёлке Нижняя Тридцатка от местных охотников осенью 1951-го года. От тех людей, которые и нашли тело Кошурникова в декабре 1942-го года.

Первые попытки поисков экспедиции силами пограничников и местного населения были безуспешны. В посёлках Верхняя и Нижняя Тридцатки, куда группа Кошурникова должна была прибыть из верховьев Казыра, в то время стояла пограничная застава. По долине реки Казыр проходила государственная граница между СССР и Тувой. Поскольку шла война, все опытные охотники были на фронте. Поэтому на организацию поиска пропавшего отряда ушло много времени.

О том, что это такое «опытные охотники», можно судить по разговорам между ними. В 1951-м году в моём присутствии один пожилой охотник отдавал другому сохатого, который в это время ещё гулял где-то в тайге. Покупателю оставалось всего ничего: пойти и «взять» его. Адрес «жительства» сохатого выглядел примерно так: второй лог на правой стороне реки, урочище Козлова, в вершине третьего распадка.

В поисках экспедиции принимали участие В. Вилисов, Н. Баяндин, Н. Кулаженко и, возможно, Д. Козлов. Дмитрий Иванович Козлов на финской войне получил ранение ног и потому был плохим ходок. Кто из них обнаружил тело Кошурникова, они говорили – кто, но эту деталь я уже не помню. Нашли его, почти засыпанного снегом, под кедром на высокой террасе, куда в половодье вода в реке не поднимается. Сумка с документами и дневником, где он записал всё, что произошло с ним и его помощниками, висела на ветке кедра над ним. Из дневника Александра Кошурникова гибель экспедиции стала известна во всех деталях. Невероятное самообладание человека, подробно описавшего трагический путь отряда перед своей неминуемой гибелью, в глазах местных жителей сделало его героем.

Изыскательская экспедиция под руководством Кошурникова в середине лета начала свой путь из таёжного посёлка тофаларов в Иркутской области. Горными тропами с вьючными оленями они преодолели перевал и спустились в долину реки Казыр. Далее их транспортным средством стали плоты. Строптивый, непредсказуемый, бурный Казыр всегда полон опасностей. Одни только саянские перекаты чего стоят. В районе устья речки Яшиной тридцать километров Казыр катится, как с горы. Волны на стремнине выше метра высотой, постоянно слышен

глухой стук валунов, перекатываемых по дну. При прохождении порогов приходилось выгружаться на берег, а груз перетаскивать на себе к нижнему концу порога, а потом строить новый плот: прежний – река раскатывала по брёвнышку. Протяженность волока у порога Щёки – более трёх километров, у Базыбайского – около пятисот метров. Для строительства нового плота нужно было заготавливать новые бревна, т.к. старые, прошедшие через порог и напитавшиеся водой за несколько недель плавания, были уже не пригодны. На всё это требовалось время, потому что экспедиция Кошурникова в пути подзадержалась до осени. А осень с шугой и заберегами в тех местах наступает иногда в конце сентября. В октябре зима уже вступает в свои права полностью.

До ближайшего селения Верхняя Тридцатка оставалось примерно сорок километров. В районе острова Кедрового Александр Михайлович держался левого берега, как наиболее пригодного для будущей железной дороги. Здесь их плот и попал в ловушку. Основное русло они оставили правее и направили плот в узенькую протоку. В протоке вода метров пятьдесят скатывается по перекаату как с крутой горки. Далее русло расширяется, течение резко замедляется, и плот, получивший разгон на перекаате, быстро несёт вперед. А там река уже замерзла, и плот с разгона ушёл под лёд. Кошурников успел перескочить на лёд. Одного из парней затянуло под лёд вместе с плотом сразу. Второго Кошурников поймал за руку, пытался вытащить, но вода оказалась сильнее. Мокрый, без продуктов, без возможности развести костёр, он побрел по глубокому снегу вниз по течению, по левому берегу Казыра. При нём осталась только полевая сумка с документами.

Насколько мне помнится, охотники говорили, что прошёл он около двадцати километров. Но до жилища оставалось ещё двадцать, а силы иссякли. Когда Кошурников понял, что гибель неизбежна, он из последних сил сделал записи в дневнике. Полевую сумку повесил на ветке кедра, на видном с реки взгорке. Тут же под кедром его и нашли. В 1953-м году, возвращаясь с геологической партией из верховий Казыра, я проплывал по той протоке. Плот со всем нашим грузом направился по главному руслу, а мы с Михаилом Калининным пересели в лодку и свернули в Кошурникову протоку для экскурсии по историческому месту. Сколько ни грёб Михаил веслом, обогнать плот, который шёл по главному руслу у нас не получилось. В устье протоки вода оказалась как бы подпружена более быстрым течением главного русла. Поэтому здесь в середине октября и образовалась в тот роковой год ледяная ловушка для плота изыскателей. Мы проплывали это место в сентябре, и уже чувствовалось стылое дыхание глубокой осени.

Теперь любой, кто читал о той экспедиции в газетах или журналах, может сравнить детали её гибели и отличить художественное произведение от реальной были.

О судьбе молодых членов экспедиции – Стофато и Журавлёва – больше уже никто не вспоминал. К тому времени, когда начались поиски, река покрылась прочным льдом. В печати нигде нет упоминаний об одежде членов экспедиции. Теперь можно лишь предполагать, что упомянутые останки человека, обнаруженные, якобы, в песке на правом берегу, могли принадлежать одному из утонувших парней. Горная река во время весеннего паводка могла разбросать их тела на сотни километров от места гибели плота.

От случайности к необходимости

Судьба геолога мне была предписана, видимо, свыше. И, несмотря на моё детство, далёкое от тайги, именно в тайге прошла вся моя трудовая жизнь. Сесть же за письменный стол и вспомнить некоторые события давних-давних лет заставила уже взрослая внучка.

– Дедушка, а как ты стал геологом? – Спросила она однажды.

– Как тебе сказать, Катя? Всё получилось случайно и в то же время – закономерно.

Первые мои шаги в геологии начались под руководством замечательного человека Александра Дмитриевича Смирнова. Это тоже была, видимо, случайность, повлиявшая на все дальнейшие события.

В 1940—41-м годах я занимался в самодеятельном оркестре в красноярском Дворце культуры железнодорожников. Директор Иван Иванович Быстров часто бесплатно приглашал нас в большой зал Дворца культуры на концерты, спектакли, оперетты. Вот тогда впервые о геологах я и услышал в романтической пьесе «Машенька». В ней рассказывалось, как долгожданный Машенькин жених-геолог вернулся из тайги, где он обнаружил рудное месторождение. За это открытие он получил премию тридцать пять тысяч рублей и, по тем временам, стал почти миллионером.

Следующий намёк судьба дала мне в мае 1944-го года. На улице имени Сталина (ныне проспект Мира), недалеко от угла с улицей Робеспьера, жили мои знакомые парни. Я бывал там часто. В 1944-м году зашёл к одному из них – Виктору Бородулину, который только что вернулся с фронта. Он и рассказал, что у них во дворе поселился геолог из Москвы и набирает людей для сезонной работы на лето в тайгу.

– Да вот и он из калитки вышел, – кивнул головой Виктор.

Это был пожилой мужчина, худощавый, невысокого роста. В опрятном, но каком-то сером костюме. И весь человек мне показался обыденным. Серым.

– Здравствуйте! – Обратился я к геологу несмело. – Это правда, что Вам нужны люди для работы в тайге?

– А Вы кто, молодой человек? Я набираю людей на полевой сезон для работы в ангарской тайге.

– Я сейчас заканчиваю второй курс техникума, – представился я. – В конце мая мог бы поехать с Вами. Осталось только экзамены сдать.

– Нет, – резко ответил он, – я не могу столько ждать!

– Скажите, пожалуйста, а что Вы там будете искать?

– Железо на Ангаре, – отрезал он и ушёл.

Учился я в то время в железнодорожном техникуме имени Ф. Э. Дзержинского, который был эвакуирован в Красноярск из Москвы в начале 1942-го года. Недолго думая, я пошёл к директору техникума. Охота, говорят, пуще неволи.

– Можно к Вам? – Обратился я к директору после робкого постукивания в дверь.

– Да. Что у тебя случилось?

– Нельзя ли мне скорее сдать весенний экзамен? Я хочу поехать на лето в геологическую экспедицию!

– Я думаю, у тебя ничего не получится. Но на всякий случай зайди в управление железной дороги, в отдел кадров. Посмотрим, что там скажут, – ответил А. А. Воейков.

И я пошёл. Тогда ещё не было этого помпезного здания Управления Красноярской железной дороги на Площади Революции. На такое парадное крыльцо как сегодня у меня тогда не хватило бы духа подняться. В 1944-м году здание было попроще. Зашёл в кабинет начальника отдела кадров. Естественно, мне отказали. Тогда я решил уйти из техникума. Снова обратился к геологу. Ни фамилии, ни имени его я не спросил.

Мою фантазию он быстро остудил:

– Сколько тебе, парень, лет? – Спросил он, критически посмотрев на мою тощую фигуру.

– В декабре будет восемнадцать, – приврал я немного.

– Ну вот, приедешь ты со мной в Мотыгино, тебя военкомат там заберёт в армию, а с кем я работать буду? Не получится у меня с тобой ничего!

На том мы и расстались. Но у судьбы память оказалась цепкой.

В армию я всё-таки попал. Принял посильное участие в войне (ефрейтором-пулемётчиком) и вернулся домой с медалью «За победу над Японией». Приехал домой только через шесть лет. Нет ни специальности, ни образования. Долго думали с мамой и братьями, выбирали – куда устраиваться на работу. От мысли продолжить учёбу в техникуме пришлось отказаться: на третий курс меня не приняли, да и тот техникум уже отбыл в Москву. В новом на первом курсе учились пятнадцатилетние мальчики и девочки, а мне уже почти двадцать пять.

Однажды мама приходит домой с новостью:

– Ну, сын, я нашла тебе работу! У нас в соседнем подъезде живёт геолог. Он недавно вернулся из командировки, из тайги. Я его сейчас встретила. Он сказал, что в Геологоуправлении идёт набор курсантов на курсы коллекторов. Что это за работа – коллектором – я не знаю, но давно уже от больных у себя в больнице слышала, что у геологов большие зарплаты. Пойдешь?

О больших зарплатах и премиях в геологии я знал ещё с детства по довоенной той пьесе «Машенька». Но настрой уже был другой.

– Мам, но я уже собрался записываться на курсы шоферов!

– Не надо! – Отмахнулась она. – У меня три брата – и все шофера. Как надоела эта вечная стирка замасленных штанов и рубах! Постоянный запах бензина! Мне это не нравится!

– Ну, хорошо, – пообещал я, – схожу в Геологоуправление. Завтра.

И выбор был сделан один раз и на всю жизнь. Работа геологов оказалась не столь денежной и героической, сколько интересной, а иногда и опасной.

Начало освоения Саян

Фундаментальные исследования юга Красноярского края начались практически в 1950—51-м годах, когда многочисленные геологические партии приступили к составлению региональной геологической карты. Ранее эти районы изучались разрозненными геологическими отрядами и энтузиастами – преподавателями и профессорами томских, московских и ленинградских ВУЗов. Для восполнения младших геологических кадров при Геологоуправлении были организованы курсы коллекторов. После войны прошло всего пять лет и, естественно, в них была большая потребность. Стране требовалась руда всех видов и многих иных полезных ископаемых, а геологов выкосила война и всевозможные репрессии. Огромные территории Сибири к этому времени на геологических картах оставались белыми пятнами. Учёные только лишь предполагали, что в этих недрах скрыты огромные запасы различных руд. Для форсирования поисков полезных ископаемых, кроме коллекторов – самых младших помощников геологов (мальчиков на побегушках), – в те годы широко привлекались и рудознатцы. Однажды при краевом Геологоуправлении организовали совещание рудознатцев. Приехали таёжные люди со всего края. Привезли куски руды и рассказали – где нашли эти образцы. После этого в разные районы края были отправлены геологические партии во главе с этими проводниками-рудознатцами. К изучению геологии юго-востока Красноярского края приступили фундаментально. В 1950-м году был создан Сисимский разведрайон со «штабом» в селе Кордово. Для ведущих специалистов в Кордово срочно построили несколько домов коттеджного типа и два небольших одноэтажных здания под камералку и лаборатории. Была создана «транспортная» база с конюшней, куда подбирались лошади, пригодные для перевозки геологических грузов по тайге вьючно. Начальником разведрайона был назначен Николай Иванович Поломошнов – опытный, пожилой геолог.

Для начала при Сисимском разведрайоне были созданы несколько полевых геологических партий для проверки заявок рудознатцев. Одна из них, Базыбайская поисково-разведочная, проектировалась для проверки заявок Николая Николаевича Кулаженко, жителя таёжного посёлка Нижняя Тридцатка. Все рудопроявления, которые он и его отец Николай Иванович Кулаженко обнаружили за много лет охоты на соболя, оказались за сотни километров в тайге, в истоках реки Базыбай – правом притоке Казыра.

До 1944-го года по долине Казыра проходила государственная граница с Тувой. Места глухие. Население на сотни вёрст вокруг состояло из отряда пограничников и нескольких семей охотников в посёлках Нижняя и Верхняя Тридцатки. От Верхней Тридцатки вверх по Казыру более трёхсот километров – нехоженная тайга, и там ещё сотня с гаком до посёлка Гутара, что в Иркутской области. Вся эта территория вверх по Казыру от устья речки Соболинки, а это почти в сотне километров от жилых мест, была соболиным заповедником до 1953-го года. Всё это настраивало руководство Геологоуправления на серьёзную подготовку масштабных геологических исследований с перспективой не на один год. Истории о суровости этого высокогорного района с узкими угрюмыми ущельями и бурными порожистыми реками усугублялись разговорами о недавнем резонансном событии – гибели отряда Кошурникова.

Основательная подготовка

Денег в ту пору на геологические исследования правительство не жалело. Назначенный начальником Базыбайской партии Евгений Александрович Шнейдер провел подготовительные работы с размахом. В феврале 1951-го года, когда охотничий сезон закончился, экспедиция собрала санный обоз, набрала местных умельцев и приступила к постройке трёх промежуточных баз в верхнем течении Казыра, на устье рек Соболинка, Верхний Китат и Прорва. Каждая из баз – это большой барак, сложенный из вековых кедров, с нарами и глиняной русской печью. И рядом такой же «капитальный» амбар, который надёжно защищал продукты от грызунов. Всё это возводилось таёжными умельцами за несколько дней. Без единого гвоздя и из местного материала. Печка – из глины, крыша – кора пихты. Только стекло привозное, три листа размером сорок на пятьдесят сантиметров.

Следом за строителями пошли обозы с продуктами и снаряжением из расчета на полсотни человек на один полевой сезон. На нижние базы (в устье речек Соболинка и Верхний Китат) завозили соль, сахар, муку, крупы, посуду. Завезли огромное количество инструментов для горнопроходчиков и покорителей горных вершин. На базы было доставлено несколько ящиков аммонита для буровзрывных работ. Среди всего прочего завезли на две базы по двадцать ящиков питьевого спирта. Я не оговорился. Именно ящиков, а не полулитровых бутылок. В каждом ящике по двадцать бутылок. Евгений Александрович почему-то решил, что для работы в высокогорье при суровом климате необходим спирт.

От Верхней Тридцатки, последнего жилого места в верховье Казыра, до базы на устье Соболинки расстояние около ста километров. От Соболинской базы до Верхнего Китата – более двадцати. В шестидесяти километрах выше, на устье речки Прорвы, истоки которой берут начало из-под пика Грандиозного с отметкой 2922 метра над уровнем моря, была поставлена третья база. Но ни продуктов, ни оборудования туда не завозили.

Базыбайская партия

В первых числах мая 1951-го года мы, выпускники коллекторских курсов при Краевом геологическом управлении, я и Виктор Ярлыков, прибыли по разнарядке в Кордово, на работу в Сисимский разведрайон в качестве техников-геологов. Начальник отдела кадров отправил нас к начальнику разведрайона и предупредил:

– Настроение у него скверное. Будьте осторожны!

Значительно позже, когда начальник отдела кадров уехал из села, нам стало известно, что этот скромный пожилой человек – Герой Советского Союза. Настроение у начальника разведрайона было действительно плохое. Накануне в кабинете отмечали Первомайский праздник, и Поломошнов подрался с Краснокутским – главным геологом. Без лишних разговоров со своими будущими кадрами Николай Иванович всем назначил зарплату на глазок. Кому семьсот, кому шестьсот рублей. На том знакомство и закончилось. В отделе кадров на вопрос – где нам устроиться с жильём? – объяснили:

– Мы вас у себя пропишем и поставим на военный учёт, а жильё поищите в деревне. Какая-нибудь бабушка пустит квартиру.

Кордово – старинное село в излучине реки Кизир. Единственная его улица растянулась на три километра между рекой и горами. На противоположной стороне над всей местностью возвышается гора-голец Джеланджа.

Прогулявшись по деревне, мы решили зайти в магазин. Там и получили первые намёки-подсказки, где можно попроситься в квартиранты. Кроме магазина, находившемся в нижнем конце села, в другом его конце, верхнем (по течению реки), была «чайная»: забегаловка, где можно было заказать обед и стакан водки или спирта. Из культурных заведений имелись школа и клуб с приличной библиотекой.

Стоило нам зайти в магазин и спросить у местных жительниц про жильё, как проблема была тут же решена. За умеренную плату сельчане всегда готовы были взять квартиранта себе на постой, да ещё и кормить его: деньги были нужны в основном для уплаты налогов и выполнения плана по сдаче молочных продуктов: многие за неимением своего масла покупали его в магазине и сдавали в заготовительную контору.

Прошло несколько пустых дней ожидания. Прибыли ещё два выпускника коллекторских курсов – Володя Пильников и Вера Гудвиль – известные скалолазы, победители каких-то крупных соревнований.

Однажды все начинающие геологи сидели в пустом кабинете и вели непринужденную беседу. В основном слушали о приключениях «столбистов». Вдруг резко открывается дверь и быстро входит пожилой мужчина среднего роста. Он ткнул в каждого из нас пальцем:

– Ты, ты и вы двое – идите в отдел кадров, распишетесь! Завтра утром выезжаем на полевые работы. Обмундирование получите на месте!

Тут же развернулся и исчез.

В отделе кадров нам сказали, что все мы зачислены техниками-геологами в Базыбайскую партию. Начальник и старший геолог партии – кандидат наук Смирнов Александр Дмитриевич. Его назначил сам полковник Левченко – начальник Геологоуправления края. В те времена все геологические организации находились под патронажем организации «Енисейстрой» – ведомства Лаврентия Берии. На другой день мы с Виктором расплатились с квартирной хозяйкой, внесли плату за лето вперед, отдали ей все наличные деньги на хранение (в тайге до осени они не нужны), собрали одежду, мыльницу, зубную щетку и отправились на сборный пункт.

Караван обедает

Набралось нас человек восемь, в том числе Вера Гудвиль и Володя Пильников. Все погрузились в кузов полторки, старший геолог сел в кабину, и мы тихо, без слёз и проводов, выбыли из села. Речку Кизир проехали по перекаату. Далее просёлочная дорога углубилась в тайгу. Но буквально через десяток километров на пути возник ручей с крутыми высокими берегами. Речушка уже разлилась и вода переливалась через мост.

Старший геолог повёл себя на наш взгляд странно. Выйдя из кабины, он разулся и отправился изучать состояние моста. Вода была ему выше щиколоток.

– Вылезайте! Дальше пойдём пешком! – Сказал Александр Дмитриевич через минуту и отправился на другой берег. Там присел на валёжину, обулся и пошёл, не оглядываясь.

– Вот это прокатились! Вот это начали геологическую жизнь! Прямо с корабля в ледяную воду! – Зароптали себе под нос новоиспечённые геологи.

Естественно, другого выбора у нас не было. Быстро разулись, перебежали мост и, надев сухую обувь, пошли догонять настоящего геолога. До таёжного поселка нижняя Тридцатка (Нижне-Казырское) оставалось чуть меньше тридцати километров. А там ещё по берегу реки – восемь. Вот на этих последних километрах начинающие геологи и увидели сибирскую тайгу в полной её красе.

Три парня оторвались от основной группы, которая ушла вперёд в темпе пожилого геолога Александра Дмитриевича, слушая его рассказы о геологической службе довоенных лет. Дорога пошла вдоль крутого берега Казыра. Слева появились картофельные поля, маленькие, в три-четыре сотки, освобождённые от леса и огороженные поскотиной. Она служила защитой огорода от местного крупного рогатого скота – маралов и сохатых. За поскотиной сразу начиналась непролазная чаща. Коров и свиней, как потом обнаружилось, местное население не держало. У всех было «на иждивении» по две-три охотничьих собаки. Каждая ценилась дороже нескольких коров.

– Ребята, гляньте! – Вдруг полушёпотом крикнул Сашка Шахматов. – Медведь на берегу!

Действительно, метрах в пятидесяти от нас у воды на берегу сидел не очень большой бурый медведь в позе рыбака. Но как только парни заговорили, он моментально исчез в ближайших кустах. Это была первая, но не последняя наша встреча с хозяином тайги.

К вечеру мы были на месте в поселке Верхняя Тридцатка, который не так давно был пограничной заставой. Дальше, до границы с Иркутской областью – девственная тайга, царство непуганых медведей и хитрых соболей.

Первым делом взволнованные парни сообщили местным жителям о том, что недалеко от огородов бродит медведь. Николай Кулаженко, местный житель, тоже окончивший курсы коллекторов и уже знакомый вновь прибывшим, спокойно так отвечает:

– Да, мы знаем. У нас женщины, когда идут на огороды, обязательно берут собаку и ружье.

Укомплектовка

Видимо, злой рок преследовал Базыбайскую партию. Неприятности начались ещё в Кордово. Временно должность начальника партии занимал Александр Дмитриевич Смирнов. Бухгалтером ему администрация разведрайона рекомендовала Лемана – мужчину лет пятидесяти, горбуна с детства. Александр Дмитриевич сразу выдал ему на расходы 8 тысяч рублей. И бухгалтер в тот же день, сев на проходящий в Минусинск автобус, растворился на необъятных просторах нашей Родины.

В середине мая начальнику Окуневской геологоразведочной партии Н. Н. Белякову было приказано часть рабочих-горнопроходчиков передать в Базыбайскую, вновь созданную партию. Он передал четырёх проходчиков и ещё человек десять из числа тех, кто ему был не нужен. Избавился от балласта, как он думал. В Базыбайской партии появились нормировщик, завхоз, бухгалтер, женщины-горняки (одна в положении) и девочки-лаборантки. А через неделю самому Белякову – коммунисту, заслуженному чекисту на пенсии, предложили возглавить Базыбайскую партию. Методы работы с людьми у него были отработаны ещё во время службы на Колыме, где он много лет был начальником лагерей ГУЛАГа. Видимо, и прибывший с Беляковым завхоз был из той же категории руководителей.

Однажды Смирнов, пробегая мимо группы коллекторов, вдруг остановился:

– Геннадий, ты знаком с черчением? Возьми у Нины Михайловны карту, тушь и кальку! Иди в комнату завхоза! Надо сделать выкопировку!

Я собрал тушь, перья, кальку и зашёл к завхозу. Комната оказалась чистенькой, светлой, с окном на юг. Нет ни мух, ни комаров. По таёжным меркам – благодать. Пока занимался своим делом, хозяин квартирки что-то прибирал, упаковывал, и всё время повторял один и тот же кусочек популярной в то время песенки: «Так, так, так – говорит пулемётчик. Так-так-так – говорит пулемет!»

Потом он вышел на улицу. Минут на пять установилась тишина. Нарушил её вошедший в избу Александр Дмитриевич:

– Мать честная, что вытворяют!

– Что там кто вытворил? – Оторвался я от чертежа.

– Утонул завхоз! Теперь начнутся следствие, допросы, суд... А когда работать? Время уже упускаем. Заканчивай черчение! Сейчас придут опечатывать эту квартиру! – И исчез.

Передав геологу Нине Михайловне карту и канцпринадлежности (просто так оставлять на столе любую топографическую карту было категорически запрещено!), я быстро отправился на место трагедии, на берег.

– Гена, там уже никого нет. Степана арестовали, посадили под замок, – остановили меня Шахматов и Ярлыков, которые курили в холодке на валёжине.

– А что там случилось?

– Был завхоз, а через пять минут его не стало! Он сам и виноват! – Заговорили друзья. – Вчера коноводы пригнали из Кордово выючных лошадей. Расседлали их и пустили на поляне пастись. Сами расслабились. Бутылку спирта, видимо, уже здесь раздобыли. А в это время к ним подошёл завхоз. Дело было вечером. Он начал мужиков ругать, воспитывать, а они ему ответили не по-салонному. И того коновода, который послал его подальше, завхоз хлестнул прутом по лицу. Видимо, не больно, но оскорбительно. Это было вчера. А сегодня случилось вот что: на берегу стояли те же коноводы, что-то обсуждали с местными охотниками. К ним подошёл завхоз. Сначала беседа шла тихо-мирно. Но вот завхоз опять бросил какую-то реплику в сторону Степана. И тот с разворота левой рукой двинул завхоза, видимо, в ответ на очередное оскорбление, под дыхало. А стояли они рядом с обрывистым берегом стремительной реки.

Завхоз по воздуху отлетел метра на три и упал в воду. Через мгновение вынырнул, что-то хотел крикнуть... и исчез в мутной воде: весеннее половодье приближалось к своему пику.

Оказалось, что коновод Степан прошёл всю войну. Под конец был ранен и много месяцев пролежал в госпитале. Правая рука у него была покалечена и с психикой оказались проблемы. Об этом сразу же рассказали его друзья и коллеги. В итоге произошло то, чего более всего опасался Александр Дмитриевич. Партия полностью укомплектовалась и отправилась из Верхней Тридцатки вверх по Казыру только двадцать пятого мая, в самый разгар половодья, когда бурная и без того река залила пойму и катила свои воды почти на уровне высокой, ранее не затапливаемой террасы.

Партия разделилась на две группы. Одной предстоял путь тайгой с вьючными лошадьми, другой – на шестах в лодках-долблёнках по реке. И без того трудное передвижение с вьючными лошадьми по тайге в этих районах ещё больше осложнялось половодьем. Были трудности и у лодочников, т.к. в ряде мест шесты не доставали дна. Но, не смотря ни на что, партия отправилась в путь.

Группа, которая двинулась вверх по бурному Казыру на пяти лодках, отправилась в путь рано утром. Они быстро загрузили подготовленный с вечера груз килограммов по четыреста на лодку, встали в лодки с шестами (один на носу, другой в корме) и отчалили. Естественно, что в лодочной группе были местные рыбаки и охотники.

Другое дело – вьючный караван из пятнадцати лошадей и восемнадцати человек во главе со старшим геологом Базыбайской партии Смирновым. Кроме двух коноводов и самого Александра Дмитриевича никто из рабочих, среди которых было пять женщин, не знал – с какой стороны следует подходить к лошади. Это были те самые кадры, от которых начальник Окуневской геологоразведочной партии Беляков две недели назад так удачно избавился.

Долго возились с укладкой вьюков, пока добились их одинакового веса, поэтому к отправке караван был готов только к обеду. Повариха быстро вскипятила ведро чая. Мы пообедали им с сухарями и, уставшие после длительных сборов и обучения – как седлать и завьючивать лошадей, тронулись в путь.

Ужас

Двадцать пятого мая 1951-го года я отправился в свою первую геологическую экспедицию. Во второй половине дня караван вышел из посёлка Верхняя Тридцатка по пограничной тропе в верховье Казыра. Тропа называлась пограничной, так как здесь до октября 1944 года проходила граница СССР и Тувы, а сам посёлок ранее был пограничной заставой. Местные старожилы-охотники уговаривали Александра Дмитриевича Смирнова отложить выход на недельку. Вода в Казыре скоро спадёт, и в ряде мест можно будет обойти скалистые прижимы по речной пойме, уверяли они. Но начальник отказался. Тёплые дни уходят, а лето в тех краях короткое. Беспокойная натура – Александр Дмитриевич – настоял на немедленном выходе вьючного каравана в путь. Глядя на него, создавалось впечатление, что он куда-то спешит, пытается наверстать время, потерянное в годы войны, плена и долгой последующей реабилитации.

Провести караван геологов по тайге согласился Дмитрий Иванович Козлов. Трудно далось ему это решение. В Финскую войну он, после ранения, пока подобрали санитары, отморозил себе ступни и ходил на пятках. Но отказать уважаемому геологу трудно, да и кто пойдёт, если не он? Хоть и возраст уже преклонный, а путь – не близкий: около ста километров. По тайге накрутишь и все сто пятьдесят.

Вышли за посёлок Верхняя Тридцатка по торной тропе. Все налегке, лишняя одежда упакована во вьюках. Солнышко греет, тишина, только коноводы оглашают матом тайгу, объясняя лошадям правила дорожного движения. Не прошли и километра, как вьюки стали сползать набок. Пришлось останавливаться. Лошади сразу потянулись за травкой, разбрелись. Дмитрий Иванович распорядился каждую лошадь взять на повод. Часа через полтора тропа упёрлась в скалу, которая выступает прямо на берег. При низкой воде можно было бы спуститься и пройти по косе, но сейчас мощная струя реки била прямо в скалу. Караван встал. Начались обсуждения дальнейшего пути. Козлов объяснял сложность пути по горам, но начальник опять настоял на своём. Развернулись и пошли в обход горы. Меня эта первая таёжная скала очаровала. Более шести лет я не был на «Столбах», а тут – такая красотища! Вспомнились слова из басни: «Лисица видит сыр, лисицу сыр пленил!». А в голове мысли: пока обоз обходит скалу, я на неё поднимусь и на другой стороне его встречу.

Как только хвост последней лошади скрылся за поворотом, я забросил малокалиберку за спину и решительно полез вверх по скалам. Это было совсем иное впечатление, не то, что на вылизанных культурных «Столбах». Здесь приходилось выверять каждое движение: проверить прочность выступа, выдержат ли корни кустарников, продумать ближайший вариант преодоления очередной крутизны. Минут за пятнадцать преодолел около ста метров, взобрался на вершину и был очарован красотой природы: сзади извивается и шумит бурная река, впереди, на сколько глаз хватает, зелёное море тайги. Сразу от подножья скалы простирается широкая низменность, переходящая в горный хребет. В синей дали возвышаются ещё более высокие скалистые горы. Мысленно представил себе: где-то за теми горами живёт своей жизнью село Кордово, а за следующими – Красноярск. Глянул вниз и вздрогнул. У подножья горы лес стоит, не шелохнувшись. Не слышно ругани коноводов, не колыхнётся ни одна ветка. А где же караван? Только сейчас я, чудак, догадался, что это в городе можно обогнать человека, пробежав квартал по дворам и огородам, перемахнув через заборы, и встретить человека на углу. Кинулся вниз по склону. Благо, что северный склон оказался пологим и без бурелома. Сбежав в низину, остановился, прислушался. Нигде ни звука. Постоял немного, пробежал в северном направлении ещё метров двести. Застыл и задумался. Вспомнил Фенимора Купера и Зверобоя с его Чингачуком. Эти герои по следам определяли: шёл человек вперед или пятился назад. А тут хоть пропади! Была бы голая глина или хотя бы песок, тогда и я бы

определился. Но тут трава! Если караван уже это место прошёл, то где следы? А если ещё не прошел, а я пойду его искать дальше, то караван пройдет здесь за моей спиной? Тогда что? Вот это влип! Ну, хоть бы какая птаха пролетела! Абсолютная тишина! Что теперь делать? Вдоль берега в село бежать? Это же позорище! Вечером объявят в караване тревогу, начнутся поиски «исследователя»! Засмеют потом, хоть стреляйся. Напряг слух до предела и услышал звон! Это же комар звенит! И не один! А я в одной гимнастёрке, даже пилотка во выюке осталась. Всё, сожрут меня к утру!

Вспомнив про мелкашку, из которой можно разве что застрелиться, и то не с первого раза, я решил дать сигнальный выстрел. Нажал на курок. Выстрел прозвучал, как будто кто-то спичку сломал. Посмотрел ещё раз вокруг, и вдруг в сотне метров что-то мелькнуло в кустах. Пригляделся – лошадь отмахивается хвостом от комаров! Даже винтовку выпустил из руки. Нагнулся её поднять и ещё больше удивился. Ба! Да, оказывается, я стою на только что протоптанной тропе! Тут я встрепенулся, принял равнодушный вид, подошёл к геологам и недобрым голосом спросил:

– Ну что? Долго ещё будем стоять?

Чаепитие

Пока я совершал «восхождение» на скалистый пригорок, караван отошёл метров на триста от реки и встал. Дмитрий Иванович ушёл вперёд на поиски дальнейшего пути. Это с горы всё казалось ровным и гладким, а под кронами елей, сосен и берёз оказались мелкие овраги, бурелом и скалистая гряда, протянувшаяся от далёких гор до берега. Почти через час проводник появился и повёл караван вглубь леса. Видимо, это было единственное место в округе, где лошади могли преодолеть скалистую гряду: узкий проход с пологим склоном перед ним. Затем шёл крутой поворот направо, и около пятидесяти метров следовало пройти по неширокому карнизу: справа – скала, слева – отвесный обрыв метров семьдесят. Вот тут новоиспечённым геологам своё мастерство продемонстрировали лошади. Отработавшие в геологических экспедициях по несколько лет, они по тайге шли без поводов. Только в самых опасных местах каждую лошадь вели люди. Иван Кузьмич распорядился разобрать лошадей. Но, как вскоре оказалось, неопытные горожане животным только мешали. Лошадки аккуратно обносили выюки вокруг каждого выступа в скале справа и следили, чтобы не оступиться в пропасть слева. У Веры Гудвиль, да и у парней тоже, душа уходила в пятки, когда «их лошадь» проходила по кромке над обрывом. Весь дальнейший путь был чуть легче, но за первые полдня караван прошёл не более десяти километров. К вечеру вышли на замечательную поляну близ берега Казыра. Тут и палатки есть где поставить, и для лошадей лужок с молодой травой. Валентина, шустрая повариха, быстро сварганила на костре суп из макарон и чай, и спрашивает:

– Александр Дмитрич, а сахар сразу в ведро засыпать?

– Нет-нет, что вы! – Тут же появляется из палатки Нина Михайловна. – У каждого свой вкус. Я предпочитаю вообще чай без сахара.

– Валентина! Скажи Владимиру, – Александр Дмитриевич имел в виду конюха, – пусть постелет брезент там, где ребята ужинают, поставит на него мешок сахара и раскроет! Сахар сами себе могут насыпать в чай!

На другой день всё повторилось, но уже более организованно. К одиннадцати часам позавтракали, заседлали и завьючили лошадей. Шли караваном по тайге вдаль от берега, так как там следовал один прижим за другим. Обходили то завалы и буреломы, то мочажины, где лошади вязли. Иногда мочажины и валёжины образовывали единое препятствие. Первый же инцидент с провалившейся в топком месте лошадьёю показал – кто тут сибиряки настоящие, а кто – так себе, одно название. Сельские парни в случае падения лошади сразу приступают к делу: хватают голову лошади и держат повыше, чтобы вода не набралась в уши, ножом режут верёвки и сбрасывают выюки, убирают сучья и палки. При этом лезут в грязь, высвобождают скотинке ноги. Горожане только топчутся вокруг, мешаются под ногами или, растерявшись, чешут в стороне затылки. Много ещё предстоит им пройти таёжных троп, пока они станут настоящими сибиряками и таёжниками!

На четвёртый день позавтракали пораньше. Что повариха приготовила, то и проглотили. И вдруг раздаётся громкий голос Витьки, рабочего:

– Александр Дмитрич, а сахар к чаю будет?

– Что ты у меня спрашиваешь? Возьми мешок около кухонного выюка! – Отрывается начальник от топографической карты.

– Дак, мешок-то вот лежит. Он пустой!

Александр Дмитриевич резко встал, бросил полевую сумку на валёжину, которая служила ему скамейкой.

– Мать честная! – Это у него было самое страшное ругательство. – За четыре дня пятнадцать человек съели пятьдесят килограммов!

Потрогал мешок, убедился, что он действительно из-под сахара.

– Будете теперь чаёвничать без сахара до встречи с отрядом лодочников! Седлайте лошадей!

В лагере появился табун лошадей, все взялись за дело. Затягивая подпругу на своей подопечной лошади, Шахматов бормочет себе под нос:

– Вот народ! Добрались, думают, что до бесплатного.

– А я видел позавчера, как Витька чай пил! – Вступает в разговор Володя Пильников. – Подхожу к мешку, а он раз, отвернулся и пошёл в стеклянную банку чай наливать. Думал, что я не заметил, что он зачерпнул сахару полную полулитровую банку.

– А он не боится, что кишки слипнутся? – Съехидничала Вера Гудвиль. – Наверное, в деревне с сахаром чай-то пил всю жизнь вприглядку. Я две ночи квартировала в Кордово у одной бабушки. У неё заварка для чая – морковка да какая-то сушёная ягода. Сахар на стол она не ставила.

– На базу придём – узнаем, куда сахар девался, – подвел итоги Виктор Ярлыков, – вчера же еще почти полмешка было. Видно, кто-то из мужиков прибрал на брагу. Не будешь же сейчас шарить по чужим мешкам!

И громко, на весь лагерь, спросил:

– Александр Дмитриевич, а далеко нам до следующего мешка с сахаром?

– По карте, если прямо, как птицы летают, то около двадцати километров. По тайге наберётся все тридцать! – Объяснил начальник. – Завтра к обеду должны дойти до устья Базыбая. Лодки нас там должны ждать.

И караван снова растянулся по лесу. Впереди шёл проводник. Молодёжь – следом за ним с топорами – чистить тропу от веток и делать затёски.

Переправа

На шестой день вьючный обоз или караван (каждый из рабочих называл этот транспорт по-своему) вышел к устью реки Базыбай. Это один из самых крупных притоков Казыра, истоки которого находятся в белогорье хребта Крыжина. Истоки Базыбая вроде бы и не очень далеко, а сколько в них воды! Какое стремительное течение!

Группа лодочников уже второй день ждала вьючный обоз. Мужики наготовили дров для костров, кольев для палаток. На треножнике висели вёдра. Четыре лодки причалили к берегу. Быстро помогли развьючить и расседлать лошадей. Людей, вьюки и сёдла переправили на другой берег. Теперь уже и городские парни включились в работу. Пообтерлись за несколько дней. Они остались пока на берегу чтобы помочь загонять лошадей в воду.

– Эй, студент! – Обратился ко мне пожилой лодочник. – Чего стоишь? Бери вон ту, вороную! Заводи в воду!

– Куда-куда?

– Слева от лодки, сверху заводи! Иначе лодку под коня занесёт течением, и он нас потопит. Держи подальше, чтоб в лодку не ступил!

Нос лодки отвалил от берега, и лошадь пошла вглубь. Через пять-шесть метров от берега над водой осталась только её голова. Остальной табунок, подгоняемый рабочими, вошёл в воду следом. Через несколько минут все были на другом берегу.

Когда Виктор, Сашка и я подошли к костру, там уже варилась уха. Полные вёдра свежей рыбы – хариусов и ленков. Обед был почти готов, а самые заядлые рыбаки-лодочники выстроились на берегу с удочками и продолжали подбрасывать Валентине свежий улов. Но вот что интересно: рыбину за рыбиной с крючка снимает лишь один Андрей, младший Баяндин. Остальные стоят рядом, только червяков мочат да недовольно сопят. У каждого свой секрет в изготовлении наживки. На этот раз, видимо, Баяндины угадали.

Тройная уха получилась на славу. Ещё бы! Впервые после городской-то жизни! Когда дело дошло до чая с сухарями, подошёл Александр Дмитриевич и распорядился:

– Валентина, сахар больше не выставляй! Засыпь сразу в ведро! А для тех, кто чай пьёт без сахара – отлей в котелок или завари отдельно! Можно и покрепче.

Лошадь

Утром уже не начальник партии, а мужики-лодочники подняли весь лагерь на ноги. На завтрак снова рыба и сладкий чай с сухарями. Позавтракали с удовольствием, но тут обнаружилась пропажа лошади. Коноводы уже обшарили ближайший лес, но она как в воду канула. Начальник приказал всем отправиться на поиски:

– Куда она могла исчезнуть? Справа – Казыр, слева – Базыбай, а там, – он указал в сторону гор, – скалы. Ищите! Может, завалилась где? Пока не найдем – будем здесь стоять.

Мы с Виктором Ярлыковым прошлись вдоль берега Базыбая, затем пересекли лес и вышли к Казыру. Невдалеке, под кедром, увидели Вилицова, Баяндина-старшего и ещё двух лодочников. Они спокойно сидели и курили:

– Мужики! – Обратились они к нам. – Что потеряли? Присаживайтесь!

– Да мы вон туда, – указал Виктор в сторону леса, – ходили искать лошадь, проверили в зарослях.

– Не ищите! Она ночью утонула. Пошла на Базыбай, там есть след, где она в воду спускалась на водопой. Витька не снял с неё уздечку, вот и результат. Кобыла на крутом спуске заступила в повод, начала биться и упала в реку. Её тут же и унесло. Вода-то вон как прёт!

Через месяц по радиации пришло известие: труп лошади обнаружили в ста сорока километрах ниже. Передняя нога у неё попала в узду под мордой. В том же районе обнаружили и тело завхоза, замытое песком на косе.

Через три дня караван прибыл на устье Соболинки, где зимой была построена основная база. Расстояние за три дня прошли небольшое, но тайга, поеденная гусеницами лет двадцать назад, оказалась труднопроходимой. Половина леса лежала на земле, образуя громоздкие «баррикады», а та часть, что стояла, выглядела ужасно.

На базе

Особо захватывающих событий на базе не было, но для истории о некоторых полукриминальных случаях упомянуть стоит.

Геологические базы, построенные под руководством Шнейдера минувшей зимой, были все однотипны: жилой барак и склад. Барак был сложен из кедровых брёвен диаметром сантиметров сорок. На устье речки Соболинки в бараче справа стояла глинобитная русская печь. Вдоль стен, справа и слева – нары, на которых могли устроиться на ночлег человек по пятнадцать. Между нарами такой же длинный стол. Пол земляной, в дальнем конце барака – железная печка. В торцевой стене – полуметровое окно. В стены вбиты деревянные клинья-вешалки. Вот и вся обстановка.

Главной примечательностью на базе был кладовщик Иван Иванович – маленький мужичок в замызганных штанах и куртке явно не его размера. Был он робким или до предела стеснительным, особенно перед начальством. Сторожем склада числилась жена Ивана Ивановича, такая же низкорослая пожилая женщина. Эта скромная пара охраняла базу с декабря до июня в полном одиночестве.

На другой день после прибытия людей и груза на самолёте По-2 прилетел новый начальник партии – Беляков. Полная противоположность Александру Дмитриевичу Смирнову. Вместе с ним прибыл и новый бухгалтер.

Александр Дмитриевич – сама вежливость. Коренной москвич, из древней купеческой семьи. Окончил Горный институт, где-то в конце тридцатых годов защитил диссертацию. Женился на дочери профессора того же института. Нина Михайловна – геолог со стажем. Она постоянно ездила на полевые работы вместе мужем, как только дети подрастали и могли оставаться с бабушкой. И сейчас она была с ним. Никто из семьи Смирновых не вступал в ВКП (б) или КПСС.

Беляков (имя и отчество не осталось в памяти) – член КПСС, бывший начальник лагеря на Колыме. По выслуге лет ушёл на пенсию, но остался в системе НКВД и продолжил работу в должности начальника геологических партий. Именно он отправил из Окуневской геолого-разведочной партии наихудших рабочих в Базыбайскую поисковую геологическую партию. И теперь сам принял над ними руководство. О геологии и трудностях работы геологов в тайге он не имел ни малейшего представления. Но сколько апломба! Если бы ему предложили должность директора театра, он бы и тут, наверное, не отказался и первым делом обнёс бы здание театра колючей проволокой.

Через два дня все сотрудники получили одежду и обувь. Партия разделилась на два отряда и убыла в тайгу. Самолёт, доставивший начальника и бухгалтера, тут же развернулся и улетел. На базе остались начальник, бухгалтер, радист Михаил Калинин и семья Ивана Ивановича. База опустела. Начальник и бухгалтер слонялись туда – сюда на площадке в сотню метров в любом направлении. В реке вода холодная, да и течение быстрое. В лесу – комары с мошкаркой заедают. Книг нет. Строгать, пилить и вообще работать руками – не приучены. Заготовкой дров занимались Михаил с Иваном Ивановичем. Начальник же с завхозом после завтрака сидят, ждут обеда. Иван Иванович принесёт продукты со склада, его жена на костре что-нибудь сварит. Тоска и скука. Садятся за стол, и тут начинается:

– Иван Иванович! Сходил бы за бутылочкой! Для разнообразия!

Тот послушно идет на склад. Приносит и распечатывает бутылку. Записывает в тетрадь тех, кто пил. Пьющих всегда было двое – начальник и завхоз. Иван Иванович оказался трезвенником. Молодой и деятельный Калинин от такой компании дистанцировался с первых дней. Он прошёл войну (родился в 1924-м году). Ещё в 1947-м году, как он однажды сказал, гонял абреков по Кавказу. С раннего детства тайга была для него домом родным. Здесь он чувствовал себя

в своей стихии. Утром, после сеанса связи, уходил на реку или в тайгу. Возвращался к вечерней связи. Приносил рыбу и отдавал на кухню. Сам питался отдельно. Брал со склада продукты под запись, но в основном жил на «подножном» корме. Когда кончился клёв на Казыре – рыба прошла на нерест, – он стал ходить рыбачить вверх по речке Соболинке.

Охота ради добычи мяса в этих районах была исключена. В течение почти двух десятков лет вся территория от устья Соболинки до истоков Казыра – границы с Иркутской областью – была объявлена соболиным заповедником. Эти хитрые зверьки быстро расплодились и стали хозяевами тайги почти наравне с медведями. Мелких зверушек соболь вылавливал, птичьи гнезда разорял. К появлению геологов в этом районе почти не осталось боровой птицы, а также бурундуков, белок и зайцев. Охотники рассказывали, что соболя нападали не только на крупных глухарей, но и на телят маралов. Медведей в тайге много, водилась россомаха. Высоко в горах, в высокогорной тундре, бродили северные олени да порхали полярные куропатки. Но это было слишком далеко. В промежутке между сеансами связи туда не сходишь.

Через несколько дней начальник обращается к Ивану Ивановичу:

– Иван Иванович! Запиши-ка на меня бутылку!

Получив пол-литра питьевого спирта, удалился прогуляться на берег Казыра. Следом за ним с такой же просьбой к кладовщику подходит бухгалтер. И тоже отправляется погулять в ближайший лесок. Так они «гуляли» перед обедом или ужином. У каждого была под пнём в лесочке своя заначка. Но когда Иван Иванович подвел итоги и показал, сколько они пропили и проели, в основном – пропили, они призадумались. Жизнь стала совсем скучной. Из всех развлечений – утром и вечером принять радиogramму и дать ответ. А дни летом длинные-длинные. Однажды из тайги за продуктами пришёл Владимир с двумя конями. По заявке начальника отряда начали собирать продукты и кое-какие вещи. Все пошли на склад. Иван Иванович, как говорится, крутится-вертится: отпускает товар, выписывает накладные. Беляков за ним наблюдает, подсказывает и руководит. Стоит у входной двери. Справа от двери – штабель ящиков. В каждом по двадцать бутылок спирта. Начальник выбрал момент и быстро сунул одну бутылку в карман. Это, видимо, заметил бухгалтер и позже проделал ту же «операцию». Далее шло уже по накатанной дорожке. Если кому-то из начальников становилось скучно, они шли на склад проверять «порядок» или документы. Штабель ящиков со спиртом стоял справа от двери. Простодушный Иван Иванович отправлялся под любым предлогом в левый дальний угол склада по их требованию: «Это почему у тебя мешок с рисом стоит не завязанный?» или: «Ну-ка, проверь, сколько у тебя осталось банок сгущёнки!». После таких посещений вновь возобновлялись «прогулки» в лесочек перед обедом. За их прогулками наблюдал Михаил. Обнаружить заначки для него труда не составляло, но он не знал, что спирт начальники приворовывают. Для него удовольствием было заставлять начальников крутить как велосипед «солдатмотор» во время работы на рации. Когда Михаил принимал радиogramмы, то педали крутились легко. Но как только он начинал выстукивать точки и тире, приходилось крепко упираться. В это время Миша на начальника покрикивал:

– Давай-давай, жми быстрее!

Вся эта история вскрылась осенью. Когда сезон закончился, на складе у Ивана Ивановича оказалась крупная недостача. Исчезло большое количество бутылок спирта, «ушедших» в известном направлении. Кроме того, начальник с бухгалтером «навесили» на бедного кладовщика ещё какие-то долги. Шум поднял Александр Дмитриевич, дело дошло до суда. В итоге Ивана Ивановича оправдали, а начальник Беляков и бухгалтер получили по два года тюрьмы. Только на суде Иван Иванович сказал, что видел, как начальники-коммунисты воруют спирт, но сказать им об этом не посмел.

Фёдор

Прямыми свидетелями этой истории была вся Базыбайская геологическая партия. Некоторые её детали рассказал сам Фёдор при случайной встрече в феврале 1953-го года в его охотничьей избушке.

Июль оказался хлопотным. Вначале энцефалит свалил Александра Дмитриевича. Пришлось, где на носилках, а где на волокуше вывозить его на базу, вызывать самолет. Через пару недель он появился вновь, такой же энергичный, подвижный. Доставили его сюда лодочники. И в этот же день, как с Луны, вдруг объявился Фёдор – сторож с базы, которая расположена в тридцати километрах выше по реке, на устье Верхнего Китата. Кладовщиком там был некий Смирнов. Было ему не более шестидесяти лет, но его все звали почему-то «дедом». Беляков, как только увидел Фёдора, набросился на него с «приветствиями» в стиле, свойственном для начальников и охранников лагерей ГУЛАГа:

– Ты какого чёрта сюда припёр!? Твое место где!

– Начальник, не кричи! – Сразу оцетинился Федор. – Беда у нас там. Дед помер.

– Что ты городишь! Что ты там натворил? Куда девал?

Беляков сразу сделал один единственный правильный вывод, так как за Федором тянулась молва – каторжник. Не более чем год как он вернулся в родные места после двенадцати лет заключения за какое-то преступление. Про него, когда Александру Дмитриевичу (как начальнику партии) начинали рассказывать местные жители, обязательно уточняли: «Да это тот Федя, который каторжник».

– Отправляйся обратно, ищи и жди! Вызовем комиссию. Разберемся! – Распорядился Беляков.

– Я не пойду туда один, начальник! Давай сразу комиссию! Дед утоп. Он вчера перед вечером вышел из избы и пропал до утра. Когда я его хватился, было уже темно. Я обошёл вокруг базы: склад замкнут. Его нигде нет. А утром, как рассвело, обнаружил деда в воде. Его занесло под кедр, который недавно упал в реку. Корни на берегу, а вершина – поперёк реки. Тело деда в воде двигается туда-сюда, только голова над водой, на камне. Я его верёвкой привязал к дереву чтоб не унесло – и сразу сюда. Дело уже к вечеру, а я ещё сегодня не ел. Дайте поесть!

Время подошло к сеансу связи. Беляков сразу сел писать донесение. Через несколько минут получил распоряжение: «Ждите. Завтра вылетает комиссия. Сторожа задержите».

– Владимир! – Сразу окликнул конюха Беляков. – Завтра пораньше отправляйся в горный отряд, что стоит на речке Луговой, на двух лошадях! К вечеру привези сюда фельдшера Шаркову! Она там работает радиометристом.

– Николай Иванович! Андрей! – Повернулся он к лодочникам. – Вы пока оставайтесь здесь все! Нам лодки скоро понадобятся.

Утром обнаружилось, что сторож Фёдор исчез. День прошёл в тревожном ожидании. Доложили по рации наверх о побеге подозреваемого. К вечеру приехала Лида Шаркова. И только на третий день прилетела комиссия из разведрайона: майор Тугаринов – замполит начальника, и капитан-особист Лупейченко – из первого отдела. К ним в комиссию включили начальника партии и Шаркову.

Прошёл ещё день. Только на третий день комиссия из четырёх человек разместилась в двух лодках и отправилась вверх по реке. До Верхнекитатской базы добрались во второй половине дня. Их встретил совершенно трезвый Фёдор. Нарушив приказ начальника, он решил вернуться к себе. Побоялся: вдруг звери уничтожат труп, тогда как оправдываться!?

При осмотре тела погибшего признаков насильственной смерти не обнаружили кроме разбитого затылка и отсутствия большого пальца на левой руке. К прежним показаниям Фёдор

добавил, что тогда шёл дождь, и что дед вышел из барака с ведром, но ведро исчезло. Видимо, его унесло водой. И высказал предположение, что дед направился по мокрому, отполированному водой, камню к воде и поскользнулся. Упал на спину и разбил себе затылок. Так и записали. При осмотре барака, где с ноября прошлого года жили кладовщик и сторож, особист Лупейченко обнаружил на нарах следы крови. Фёдор объяснил, что ещё в декабре дед колот дрова и нечаянно отрубил себе палец. Здесь, на нарах, они его перевязывали. Комиссия вырубил топором часть доски с пятнами крови и приложила щепу к делу. После формальностей тело предали земле. (Позже родственники перевезли его в село). Много времени отняла ревизия склада и проверка документации. Всё оказалось в идеальном порядке. Склад опечатали. Время было уже к вечеру. Решили заночевать.

После ужина посидели у костра. Было уже поздновато, когда отправились спать. Комиссия заняла левые нары, Фёдор – напротив. Сквозь сон Лида услышала: кто-то разговаривает, она приоткрыла накомарник, глянула – а это Фёдор стоит около трубы железной печки и что-то тихо говорит. А кому – не видно.

– Что-что? Повтори! Я не понял! – Проговорил он внятно.

Затем слегка постучал по трубе и снова начал объяснять какому-то собеседнику, куда надо подойти. У Лиды мурашки побежали по коже, сон пропал. В темноте она слегка толкнула соседа. Тут же проснулись все. Майор и капитан пытаются при лунном свете разглядеть, над чем там Федя колдует. Но тот тихо-тихо, как тень, вышел на улицу. Тогда все сразу сели. Шёпотом Тугаринов распорядился:

– Давайте по очереди дежурить! Он тут четыре ночи с трупом под окном ночевал. Может, чокнулся?

Дверь приоткрылась, и все мигом притворились спящими. Как позже рассказала Лида, никто в ту ночь уже не уснул. Все понимали, что имеют дело с каторжанином, а тут ещё и свежий труп недалеко закопан.

Утром без завтрака отправились на базу. Река на этом отрезке длиной почти тридцать километров в середине лета относительно спокойна, и вниз по течению плыть на лодке – одно удовольствие. На базе Лида Шаркова приготовила обед (Супруге Ивана Ивановича не доверили готовить для высоких гостей). Пообедали, закусили. Фёдора Тугаринов отправил с лодочниками вниз до Верхней Тридцатки как арестованного. Комиссия направилась к По-2, который стоял на острове, готовый к взлёту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.